

А. В. Юревич

<https://orcid.org/0000-0002-2066-4459>

Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского общества

Статья подготовлена при поддержке РФФИ,
грант № 17–29–02104 офи_м «Индикаторы и предикторы психологического состояния российского общества»

В статье рассматриваются результаты эмпирических исследований нравственного состояния современного российского общества, выполненных психологами и социологами. Особое внимание уделяется нравственному состоянию современной российской молодежи как будущего нашей страны. Рассмотренные исследования, в том числе исследование, выполненное автором статьи, демонстрируют негативное состояние морали и нравственности в современной России. В статье показано, что происходящее в этой сфере в нашей стране соотносится с международными тенденциями, состоящими, в частности, в снижении уровня доверия людей друг к другу в США и Англии. Проанализированные тенденции, по мнению автора, не дают оснований для оптимизма. Вместе с тем отмечается растущая озабоченность нашего общества по поводу его нравственного состояния. Оптимизм в отношении улучшения нравственного состояния нашего общества подтверждается и динамикой соответствующего индекса, вычисляемого в рамках развиваемой в Институте психологии РАН количественной макропсихологии. Этот индекс фиксирует такие слагаемые нравственной атмосферы общества, как уровень 1) жестокости, 2) бесчеловечности, 3) несправедливости, 4) цинизма. Используются соответствующие операциональные показатели (количество убийств на 100 000 жителей; количество детей, оставшихся без попечительства родителей; Индекс Джини, выражающий неравномерность распределения доходов; Индекс коррупции). В статье показано, что количественно оцененное нравственное состояние нашего общества обнаруживает положительную динамику с 2008 г., хотя по абсолютному значению соответствующего показателя пока уступает 1990 г., взятому за точку отсчета. Эта оценка позволяет сделать вывод о том, что, хотя нравственное состояние современного российского общества остается в целом явно неудовлетворительным, в последние годы оно обнаруживает тенденцию к улучшению, то есть основания для оптимизма все же имеются.

Ключевые слова: мораль, нравственность, современное российское общество, нравственное состояние, молодежь, международные тенденции.

A. V. Yurevich

Empirical Estimates of Modern Russian Society's Morals

In the article results of the empirical researches of modern Russian society's morals are considered, which were made by psychologists and sociologists. Special attention is given to modern Russian youth's morals as future of our country. The considered researches, including made by the author of the article, show a negative condition of morals and morality in modern Russia. In the article it is shown that the events in this sphere in our country correspond to the international tendencies consisting, in particular, in decrease at the level of people's credibility to each other in the USA and England. The analysed tendencies, according to the author, do not give the grounds for optimism. At the same time the growing concern of our society concerning its morals is noted. Optimism concerning improvement of our society's morals is confirmed also by dynamics of the corresponding index calculated within the psychology of RAS of quantitative macropsychology developed by the Institute. This index fixes such components of the moral atmosphere of the society as the level of 1) cruelty, 2) inhumanity, 3) injustice, 4) cynicism. The corresponding operational indicators are used (the number of murders per 100 000 inhabitants; the number of the children who were left without guardianship of parents; Jeanie's Index expressing unevenness of income distribution; Index of corruption). In the article it is shown that a quantitatively estimated moral condition of our society has got positive dynamics since 2008 though due to the absolute value of the corresponding indicator concedes the one that was in 1990, taken as a reference point. This assessment allows us to draw a conclusion that though morals of modern Russian society remains to be in general obviously unsatisfactory, in recent years it has a tendency to be improved, so nevertheless there are reasons for optimism.

Keywords: morality, modern Russian society, morals, young people, international trends.

Эмпирические исследования нравственно-психологического состояния современного российского общества

Исследователи подчеркивают, что «для современной российской действительности характерны снижение культурного уровня, моральная деградация и криминализация общества, размытость ценностей и социальных норм» [22, с. 156]. Это проявляется в разных областях. В частности, наблюдается «повышение напряженности в семейных отношениях, ухудшение взаимоотношений между поколениями, разрыв семейных связей, дефицит эмоциональной близости в семье, нарастание взаимного равнодушия, рост конфликтности и криминогенности семейной среды» [22, с. 164]. Отмечается и то, что падение общественной морали «коснулось отношения к полу и отношений между полами, что приводит к нарушениям здоровья – психологического, психического и физического» [16, с. 93]. Исследования выявили также существенное падение престижа нравственности и ответственности в системе ценностей россиян, особенно чиновников, предпринимателей, представителей социэкономических профессий [5; 9; 25].

Констатируют, что «инфраструктура порока в стране функционирует эффективней, чем все прочие инфраструктуры» [17, с. 64]. Показано, что негативное изменение социально-экономических условий, в том числе кризисное, приводит к снижению нравственных ценностей, таких как честность и терпимость, в сознании россиян [7]. Наблюдается и радикализация безнравственности – нарушение нравственных норм все более радикальными способами и, что, возможно, еще хуже, привыкание населения к этим нарушениям [17].

Притчей во языцах стали наши элиты, которые в идеале должны были бы составлять лучшую и наиболее нравственную часть общества. Вот какую оценку им дает известный литературный критик Д. Б. Дондурей: «Многие, если не все, беды нашей страны объясняются качеством наших элит. Все они циничны. Для большей их части общепринятые добродетели, жертвенность, достоинство, честь не являются ценностями. Они считают их некупаемыми, а посему невыгодными и ненужными» [6, с. 75].

Социологи подчеркивают, что моральная деградация значительного количества граждан современной России представляется сегодня не меньшей угрозой, чем внешняя агрессия [20]. Исследования последних десятилетий, выполненные в рамках социологии морали, дают основания для констатации серьезных изменений

нравственных ценностей наших сограждан – почти двукратное снижение, по сравнению с советским периодом, значимости таких качеств, как социальная ориентированность труда, чувство долга, честность, принципиальность [8]. По мнению социологов, «исследования свидетельствуют, что мнение о полной и безвозвратной утере нашим обществом нравственных норм, о том, что эрозия морали достигла той критической точки, за которой грядет духовное перерождение (читай вырождение) России, стало сегодня практически общепринятым» [20, с. 284].

По результатам социологических опросов, 38 % наших сограждан считают, что за последние 10 лет (2005–2015 гг.) моральный климат в нашем обществе ухудшился, 37 % полагают, что он не изменился и только 25 % думают, что он улучшился, причем наиболее негативные оценки динамики этого климата высказывают респонденты не старшей возрастной группы (свыше 60 лет), а представители возрастных групп 41–50 лет (42 % отметивших его ухудшение) и 51–60 лет (45 %) [21]. Испытывают постоянный страх в связи с перспективой моральной и культурной деградации нашего общества 15 % респондентов, сильную тревогу – 35 %, некоторое беспокойство – 38 %, а не беспокоит это только 12 % населения, причем беспокойство, тревога и страх достаточно выражены во всех возрастных группах [21], что опровергает расхожий стереотип о существовании озабоченности моральным состоянием нашей страны лишь у пожилых граждан.

Налицо и временная динамика отношения россиян к моральным нормам. Так, в 2005 г. 51 % россиян считали, что основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, всегда актуальны и современны, а в 2015 г. считающих так было уже 60 %, в 2005 г. 49 % считали, что сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы сегодня уже устарели, а в 2015 г. – 40 %, при этом и в 2005 и в 2015 г. значительная часть респондентов – соответственно 57 % и 55 % – поддержали формулу: «Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные нормы и принципы». Правда, на обоих исторических отрезках обнаружилась и значительная доля – соответственно 43 % и 45 % – тех, кто высказался за формулу: «Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные нормы и принципы», причем чем моложе были респонденты, тем чаще они придерживались подобной точки зрения [21]. В целом данное исследование подтвердило, что, хотя доля сторонников незыблемости моральных

норм постепенно возрастает, все же значительная часть наших сограждан, особенно молодежь, склоняется к идее их релятивности и возможности быть нарушенными при определенных обстоятельствах, что не может не настораживать.

Исследование продемонстрировало также, что у 48 % наших сограждан нет четких и устойчивых моральных принципов, для них характерны «метания», обусловленные личной жизненной ситуацией, текущими социально-экономическими условиями, оценкой собственного положения в обществе и т. д., создающими ситуации, когда приходится искать моральные оправдания того или иного поступка [21].

Несколько снизилась доля тех, кто считает, что поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе невозможно без участия государства. В 2005 г. таковых было 72 %, в 2015 г. – 68 %. Соответственно, считающих, что мораль и нравственность – это сфера частной жизни человека, и государство не должно в нее вмешиваться, было 28 %, стало 32 % [21]. Но все же сторонники активного вмешательства государства в эту сферу социальной жизни пока явно доминируют.

Основной формой вмешательства государства в поддержание моральных норм является принятие законов, делающих эти нормы обязательными для исполнения, и установление уголовной или административной (гораздо чаще) ответственности за их нарушение. Яркие примеры – принятие законов, запрещающих распитие пива и других слабоалкогольных напитков в общественных местах, обязывающих автомобилистов пропускать пешеходов и др. Прежде соответствующие виды поведения считались относящимися к области личного нравственного контроля, что в условиях слабости этого контроля приводило к многочисленным негативным последствиям, в частности, к тому, что наши вечерние электрички напоминали пивные бары на колесах, детские песочницы были засыпаны стеклом от битых бутылок, а большое количество пешеходов становилось жертвами автомобилистов. Принятие соответствующих законов, то есть перенесение нравственных норм на правовой уровень (вмешательство государства в сферу морали), существенно изменило ситуацию к лучшему, хотя, в условиях российского отношения к законам, не решило соответствующие проблемы полностью. Уместно вспомнить, что аналогичным путем пошли такие страны, как Сингапур, где были введены большие штрафы, например, за бросание мусора в общественных местах и другие формы поведения, прежде относившиеся к области лич-

ной нравственности. Следует упомянуть и о том, что решение подобных бытовых и, на первый взгляд, не слишком существенных проблем, послужило отправной точкой начала успешной борьбы с коррупцией и других действий, превративших Сингапур в государство, занимающее первое место в рейтинге стран, наиболее благоприятных для ведения бизнеса, что имело огромный экономический эффект.

Естественно, государственное вмешательство в поддержание нравственности не сводится к вынесению нравственных норм на уровень законов. Справедливо акцентируется необходимость поддержки социальных институтов, «формирующих моральный климат в обществе» [21, с. 367], таких как семья и школа, сети учреждений культуры, искусства, науки и др. Особенно актуально в связи с этим возвращение школе ее воспитательной функции, в 1990-е гг. изъятой у нее реформаторами-либералами и превратившими этот институт в некое подобие сервисной структуры по «оказанию образовательных услуг». «Как известно, в 1990-е гг. понятие “воспитание” почти исчезло из сферы отечественного образования и молодежной политики, из СМИ» [17, с. 63]. Констатируется «отстранение школы от воспитательной функции» [14, с. 81], «отрыв воспитания от обучения, подход к ним как к двум параллельным процессам, взгляд на воспитание как на сопутствующую учению второстепенную деятельность» [14, с. 90]. Д. В. Сочивко отмечает, что «большая проблема новой постсоциалистической и “недокапиталистической” России состоит в том, что система образования и воспитания подростков – не новая и не старая, не социалистическая и не капиталистическая, а потому – вообще никак и ни на какие процессы формирования личности подростка не реагирующая» [17, с. 281]. А «недостаток нравственного воспитания и образования становится уже не только проблемой образованности и воспитанности, но и – формирования новых свойств личности, специфического личностного профиля, психологического механизма, обеспечивающего (как бы автоматически запускающего) асоциальное поведение школьника и подростка» [17, с. 270]. Установки на развитие нравственности в процессе образования характерны и для его зарубежных систем. В частности, отмечается, что оно должно развивать не только способности ума, но и «привычки сердца» [32].

Не могут не огорчать результаты социологических исследований представлений наших сограждан о том, как изменились люди и отношения между ними за последние 15–20 лет. 60 %

опрошенных сочли, что снизилась доброжелательность, 10 % – что она возросла, 23 % – что осталась на прежнем уровне. По мнению 68 %, возросла агрессивность, ослабла – по мнению 11 %, осталась прежней – по мнению 15 %. Душевность ослабла, по мнению 59 %, 8 % считают, что усилилась, 26 % – что осталась на прежнем уровне. Снижение искренности констатировали 61 %, усиление – 8 %, тот же уровень – 24 %. Снижение честности – 60 %, усиление – 6 %, сохранение прежнего уровня – 26 %. Усиление цинизма – 61 %, ослабление – 10 %, сохранение на прежнем уровне – 17 % [21]. Справедливо отмечается, что «поскольку сегодня русские ощущают дефицит взаимного уважения, честности и взаимопомощи, то это с очевидностью указывает на то, что на неосознаваемом уровне ими в полной мере ощущаются противоположные негативные качества (“анти-ценности”) – неуважение друг к другу, нечестность, отсутствие взаимопомощи, которые свидетельствуют о том, что в повседневных практиках современных россиян присутствует опыт разрыва социальных связей и межличностного доверия» [21, с. 408–409].

Подчеркнем в связи с этим, что *доверие* к окружающим оказывает влияние на многие стороны общественной жизни. Так, среди тех, кто доверяет окружающим, 49 % никогда не чувствуют враждебности к людям другой национальности, 63 % разделяют мнение о том, что «Россия – общий дом многих народов. Все народы должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ», 72 % полностью согласны с тем, что насилие в межнациональных и религиозных спорах недопустимо, 33 % обладают актуализированной российской идентичностью, указав, что они в значительной степени ощущают близость со всеми гражданами России. Среди не доверяющих окружающим доля давших соответствующие ответы существенно ниже [20].

Негативные тенденции были выявлены в отношении таких социальных качеств наших сограждан, как уважение к старшим, уважение к женщине, бескорыстие и готовность помочь другому, верность товарищам, доверие друг другу, ответственность за то, что происходит вокруг и др. [21].

Очень похожие результаты были получены в нашем исследовании, где основные тенденции в изменении социально-психологических отношений в современном российском обществе оценивали эксперты-психологи. Экспертам было предложено оценить его нравственно-психологическое состояние в 1981, 1991 (до рас-

пада СССР), 2001 и 2011 гг. Оценка производилась по 70 параметрам, 35 из которых выражали позитивные и 35 – негативные характеристики общества, отобранные в результате предварительных консультаций с экспертами. Каждый параметр оценивался по 10-балльной шкале, на которой «1» соответствовала минимальной выраженности соответствующей характеристики, «10» – ее максимальной представленности. В роли экспертов выступили 124 психолога, представляющие различные регионы, разнообразные научно-образовательные центры нашей страны и отвечающие следующим требованиям: 1) возраст, предполагающий, что эксперт способен дать оценку состояния нашего общества в 1981 г. (соответственно молодые психологи не входили в число экспертов), 2) достаточно высокая квалификация – наличие ученой степени кандидата или доктора наук, 3) область профессиональной деятельности, релевантная макропсихологическим проблемам, и наличие соответствующих публикаций.

По данным экспертного опроса, среди негативных характеристик наиболее выраженную динамику обнаружили агрессивность, алчность, anomия, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, вседозволенность, грубость, жестокость, злоба, конфликтность, ксенофобия, ложь, мафиозность, меркантильность, наглость, напряженность, насилие, невоспитанность, ненависть, подлость, сквернословие, тревожность, фамильярность, эгоизм. При этом самые высокие темпы прироста обнаружила алчность (5,22 единицы), меркантильность (4,79) и мафиозность (4,60).

По абсолютному значению показателей наиболее рельефными оказались такие негативные характеристики нашего общества, как агрессивность, алчность, апатия, безыдейность, бесправие, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, грубость, жестокость, ксенофобия, ложь, мафиозность, меркантильность, наглость, насилие, невоспитанность, пустословие, сквернословие, хамство и эгоизм, а самыми выраженными из них – меркантильность (8,32), алчность (8,29) и эгоизм (8,03).

Из положительных характеристик наибольшие «потери» понесли альтруизм, бескорыстие, взаимопомощь, взаимопонимание, взаимоуважение, добросовестность, доброта, доверие, законопослушность, интеллектуальность, интеллигентность, культура, надежность, нравственность, порядочность, психологическая безопасность, скромность, сочувствие, спокойствие, тактичность, честность и человечность. Самая

большая разница значений 1981 и 2011 гг. была обнаружена по параметрам бескорыстия (3,98), психологической безопасности (3,92) и скромности (3,85) [28].

Приятным исключением из общего правила служит рост патриотизма: «в последние годы мы наблюдаем всплеск патриотических настроений» [13, с. 345]. Согласно опросам «Левада-центра», во время зимних Олимпийских игр в Сочи 81 % россиян отметили подъем патриотических чувств. Катализатором второй волны патриотизма стало присоединение Крыма [15]. На усиление патриотизма в 2015 г. указывали 26 % россиян, в то время как еще 3 года назад – лишь 7 % [21].

Следует отметить, что нравственность находится в не совсем однозначных отношениях с патриотизмом. Как пишет А. Ципко, «у В. Ленина было нравственно все, что служит победе коммунизма. В сегодняшней России нравственно все, что укрепляет суверенитет и могущество России» [26, с. 181]. То есть патриотизм «подминает» под себя нравственность, что может придавать ей извращенные формы.

Имеются данные о том, что стремление к нравственным идеалам в бизнесе характерно для современных руководителей в большей степени, нежели отрицание нравственных ценностей, соответственно, «нагнетание современными СМИ негативной информации о нравственных качествах современной бизнес-среды не соответствует реальности» [12, с. 345].

Наблюдается и ряд других позитивных тенденций. Однако, по мнению экспертов в данной сфере, они пока не имеют решающего значения и мало влияют на общую довольно негативную картину.

Нравственность и жизненный успех

Социологи констатируют появление глубокого разрыва между требованиями социальной среды и привычными моральными установками, приводящего многих людей к мысли, «что нравственность и жизненный успех в современной России – вещи несовместимые. Либо одно, либо другое. Соответственно, этические нормы и правила перестают быть побудительным мотивом социального действия» [21, с. 358].

Любопытно, что социологические исследования опровергают расхожий миф о том, что безнравственность прогрессирует, главным образом, в крупных городах, прежде всего, в Столице, в то время как российская «глубинка» остается оазисом высокой нравственности. Отмечается, что «во всяком случае, исследования не подтверждают наличие сформированного писателями-деревенщиками мифа об особой русской духов-

ности и ее утрате по мере урбанизации страны» [21, с. 360]. А столичные жители гораздо чаще отмечают усиление доброжелательности, способности к сотрудничеству, патриотизма, преданности своей родине [21].

Не получает эмпирического подтверждения и стереотип «бедных, но честных»: склонность к оправданию безнравственных поступков гораздо чаще обнаруживают респонденты, оценивающие свое материальное положение как плохое, а благополучные в материальном плане чаще проявляют склонность к соблюдению этических норм, что позволяет социологам сделать вывод: «именно они являются носителями запроса на моральное оздоровление нации» [21]. Впрочем, следует воздержаться от абсолютизации этой тенденции: в выборки социологов обычно попадают достаточно обеспеченные представители *среднего класса*, а, по понятным причинам, не те люди, которых принято называть «новыми богатыми», известные криминальными способами накопления первоначального капитала и сохранением соответствующих навыков поведения. В то же время и представление о сохранении высокой нравственности бедных нуждается в критическом переосмыслении.

Среди 14 предложенных респондентам поступков, которые принято считать аморальными, абсолютно неприемлемыми большинство респондентов считают лишь 5: употребление наркотиков, жестокое обращение с животными, однополые браки, гомосексуализм и оскорбление чувств верующих. Более толерантны они к хамству, грубости, нецензурной брани, присвоению найденных денег, к супружеской измене, разводам и абортam. При этом наблюдаются и отчетливо выраженные проявления двойной морали. Так, например, на фоне общего патриотического подъема каждый второй россиянин считает нормальным уклонение от службы в армии, а отношение к коррупции как к главному злу для современной России успешно сочетается с толерантным отношением к уклонению от уплаты налогов, а также к даче и получению взяток [21].

В эту тенденцию органически вписываются наши крупные государственные деятели и политики, для которых весьма характерно сочетание патриотической патетики со счетами в оффшорах, наличием собственности за рубежом, обучением там своих отпрысков и т. п., а также формула: «Да, вору, но Родину люблю». А для осужденных за коррупцию чиновников, как правило, характерна идеологически «правильная» патриотическая риторика.

Психологический анализ бесед с современными российскими муниципальными чиновниками продемонстрировал, что характерные особенности нравственной позиции типичного представителя низшего звена управления состоят в том, чтобы а) уйти от ответственности, б) ничего не предпринимать [19]. А для российских предпринимателей характерна очень низкая степень доверия в их среде [12].

И. В. Нехорошева, обследовав 407 наших сограждан в возрасте от 15 до 79 лет, убедилась, что только 4 % обладают высокими нравственными качествами, 18 % характеризуются положительной нравственной направленностью, а отрицательной – 36 %, то есть в два раза больше. Остальные 46 % были отнесены к группе с неявной нравственной ориентацией [18]. Наиболее счастливыми из них оказались ... люди с отрицательной нравственной направленностью [18], что свидетельствует о том, как нелегко высоконравственным людям живется в нашем обществе (возможно, не только в нашем), как трудно им выносить окружающую их безнравственную атмосферу. Именно они в наибольшей степени обеспокоены многочисленными проблемами нашего общества и, как показывают результаты исследования, чувствуют себя в современном российском социуме наименее комфортно. Они также менее удовлетворены своей семейной жизнью. А люди с отрицательной нравственной направленностью оценивают свою жизнь как более комфортную и легкую, имеют более позитивное настроение, с большим оптимизмом смотрят в будущее, что позволяет автору исследования сделать вывод: «безнравственным людям нарушение нравственных законов облегчает жизнь [18, с. 256], при этом, правда, предостерегая и от другой крайности: «Если человек счастлив, это не значит, что он непременно безнравственный» [18, с. 258].

Похожие результаты дало исследование К. Муздыбаева, которое показало, что люди с высоким уровнем эгоизма больше удовлетворены своим материальным положением, среди них меньше испытывающих материальную нужду и больше имеющих высокий уровень благосостояния [11].

И. В. Нехорошева высказывает предположение о том, что, вероятно, различия в социально-психологическом самочувствии нравственных и безнравственных людей сохраняются во все времена, но величина этих различий может изменяться в зависимости от эпохи, нравственного уровня общества и социально-экономических процессов. В периоды культурного и нравствен-

ного подъема различия могут несколько сглаживаться. А в периоды, сопровождаемые резким обрушением нравственных норм жизни общества, они возрастают, поскольку наиболее благополучно чувствуют себя люди с невысоким нравственным уровнем [18].

Любопытно, что исследования, проводимые в западных странах, дают едва ли не противоположные результаты. Там более нравственные люди и те, кому не безразличны другие, в целом чувствуют себя счастливее, чем больше занятые собой [33], альтруистичное поведение повышает уровень счастья, а люди с более развитым нравственным чувством живут лучше других даже в экономическом плане [10]. Объясняя последнюю закономерность, Р. Лэйард отмечает, что это чувство в среднем приносит людям выгоду в долгосрочной перспективе, делая их более надежными, что формирует лучшее отношение и повышает уровень доверия к ним окружающих. При этом «тех, кто наделен нравственным чувством, другие люди узнают по тому, что они делают, как выглядят и что говорят» [10, с. 150], и вообще «люди неплохо разбираются в том, кому можно доверять, а кому нет» [10, с. 151].

Расхождение с отечественными данными можно объяснить тем, что связь между уровнем нравственности, с одной стороны, уровнем счастья и благополучия – с другой, опосредована характером общества. И, справедливо критикуя западное общество за его многочисленные недостатки, нам следует признать также то, что в этом плане нам есть чему позавидовать. Стоит обратить внимание и на данные о том, что когда имеется достаточное количество эгоистичных людей, даже неэгоистичные люди начинают вести себя эгоистично [29], что, по-видимому, может быть распространено и на другие виды нарушения нравственных норм.

В то же время не все зависит от общества. Отмечается, что «у разных людей разная мораль» [10, с. 145], а примерно у 1 % людей, включая психопатов, она вообще отсутствует [10].

Нравственно-психологические характеристики современной российской молодежи

Как отмечает В. Е. Семенов, даже «при таком напоре инфраструктуры и бизнеса аморализма большинство российской молодежи, и в первую очередь – студенчества, сохраняет в целом здоровые жизненные ценности и духовно-нравственные установки» [17, с. 66]. Главными ценностями молодежи являются семья, здоровье и друзья, а ценности работы и справедливости оказываются выше ценности денег, причем значение ценностей семьи и справедливости, по

сравнению с 1990-ми годами, повысилась, а ценность денег, наоборот, понизилась. Основная часть студенческой молодежи является носителем, в терминах В. Е. Семенова, «просоциального менталитета», а на вопрос о том, какое общество ей хотелось бы построить в России, преимущественно выбирает варианты ответа: «общество социальной справедливости» и «общество честных людей труда». Исследования свидетельствуют и об относительной сохранности у молодежи традиционного для российского менталитета понимания совести [17].

Вместе с тем, как показывают эмпирические исследования, для современной студенческой молодежи нехарактерно представление о труде как о долге человека перед обществом, которое выступало основой трудовой этики советского периода. А исследование представлений молодежи о степени этичности различных способов зарабатывания денег продемонстрировало, что 12,5 % считают вполне этичными предприятия, организованные по типу финансовых пирамид, 15,7 % – гадание, магию, деятельность экстрасенсов, 6,9 % – производство и торговлю вредными для экологии и людей продуктами [17].

Эмпирические исследования показывают, что больше половины нашей молодежи демонстрирует высокий уровень самоуверенности, что ведет к нетерпимости к вмешательству в их дела, не позволяет прислушаться к иному мнению [19]. Отсюда проистекает очень характерная для нынешней молодежи нетерпимость к «поучениям» со стороны старшего поколения, крайне агрессивная реакция на сделанные замечания и т. п. При этом и враждебность к себе чаще всего чувствуют школьники [19], что, в соответствии с известным психологическим законом, заставляет их проявлять ответную враждебность – по отношению как к старшему поколению, так и к себе подобным. Интернет переполнен видеоматериалами, где в деталях показано, как наши школьники издеваются над учителями и друг над другом. А исследования показывают, что издевательства над учителями наблюдаются примерно в половине наших школ [27]. Показательно, что, как продемонстрировало исследование Б. С. Алишева, О. А. Аникеенка и О. Н. Галаниной, среди психологических качеств, приписываемых нашими студентами «злому гению», то есть некоему отрицательному эталону, присутствуют и такие, как осторожность, твердость, упорство, строгость, гордость, принципиальность, требовательность [18], которые в рамках традиционной морали считаются положительными.

При этом наблюдается большое индивидуальное разнообразие в отношении нравственных норм, укладываемое, впрочем, в несколько базовых типов.

Так, например, А. Б. Купрейченко и А. Е. Воробьева эмпирически выделили 7 типов нравственного самоопределения молодежи:

– «Теоретик» рассуждает о нравственных вопросах, но непредсказуем в плане соблюдения нравственных норм в различных ситуациях.

– «Отстраненный» сознательно избегает этических вопросов.

– «Конформист» ориентирован на референтную группу, ситуативен.

– «Релятивистско-эгоцентрический» считает нравственность условностью, не признает ограничений, эгоцентричен.

– «Поборник нравственности» осуждает эгоцентризм, считает нравственные требования неоспоримыми.

– «Приверженный нравственным нормам» демонстрирует гуманизм, активную нравственную позицию.

– «Социально-нормативный» в большей мере эмоционален, чем деятелен в нравственных вопросах [19].

А Л. М. Попов и А. О. Максумова выделяют 23 нравственных типа личности [19].

Получены данные и о том, что многие представители молодого поколения – «дети 1990-х и 2000-х» – вообще не используют категории добра и зла при оценке людей и их поступков, предпочитая им такие категории, как «выгодно – не выгодно», «круто – не круто» и т. п. [12]. При этом, например, нашими студентами понятие «добро» не трактуется как некий абсолют, полностью противостоящий злу, а добро и зло воспринимаются как феномены, переходы между которыми носят не жесткий, а плавный характер, представления студентов о добре и зле часто не совпадают со сложившимися социально-правовыми и этическими установлениями [18]. В их суждениях на нравственные темы очень много релятивизма и прагматизма [18]. Справедливо констатируется, что «само наше общество, к сожалению, терпимо относится к нравственному релятивизму, а люди часто занимают позицию невмешательства, когда видят вокруг себя проявления зла и несправедливости» [18, с. 218].

Такой вид нарушения моральных запретов, как мошенничество, считают вполне приемлемым способом зарабатывания денег около 90 % нашей молодежи [24], а 56 % молодых людей в возрасте 16–19 лет уже были задействованы в коррупции в той или иной форме [18]. У лиц мо-

лодежного возраста формируется представление о том, что только деньги правят миром, а люди со скоромными доходами чаще всего остаются бесправными [18].

Изучение ценностных приоритетов учащихся 11-х классов показало, что среди них преобладают представители таких типов, как «прагматики» и «эгоисты» (по 27 %), «интеллектуалы» составляют 20,6 %, «моралисты» – 14,3 %, «общественники» – 11,1 % [18]. Отмечается и то, что, не без влияния последствий экономических реформ, ценность в глазах молодежи таких качеств, как трудолюбие, профессионализм, образование, порядочность, снижается [23]. Опросы показывают, что 70 % молодых россиян согласны с формулировкой «Россия сегодня – страна, где законным путем прожить невозможно», а 40 % признались, что уже совершали противоправные действия. Наиболее тревожной тенденцией развития молодежного сознания исследователи считают снижение коллективизма и, соответственно, повышение уровня индивидуализма, что в молодежной среде зачастую оценивается как однозначно позитивное явление. С подобной оценкой тенденций, проявляющихся в молодежной среде, согласна и сама молодежь. 61 % ее представителей согласны с тем, что наша молодежь становится все более равнодушной и эгоистичной, по сравнению с предыдущими поколениями, 29,2 % не согласны с этим и 9,1 % затруднились ответить (0,8 % вообще не ответили на данный вопрос) [23].

Еще одно исследование показало достаточно низкие места таких инструментальных ценностей студентов и школьников, как воспитанность, чуткость, непримиримость к недостаткам в себе и в других, хотя такая ценность, как честность, заняла более высокое место [16]. Н. А. Журавлева на основе проводимых ею исследований констатирует переориентацию нашей молодежи с общественных проблем на личные, коллективизм постепенно сменяется индивидуализмом, наблюдается преобладание материальных ценностей над духовными. А возрастание значимости денег сопровождается снижением в иерархии ценностных ориентаций молодежи приоритетов ориентаций на творчество, познание, общение с друзьями и честность. В частности, у школьников из года в год происходит снижение удельного веса альтруистических ценностей, таких как любовь и чуткость [17].

В то же время, по мнению значительной части молодежи, моральные ценности тоже необходимы. Так, необходимость этики в деловых отношениях отмечают 50 % студенчества, 29 % –

необходимость социальной справедливости, 26 % – необходимость доверия людей друг к другу, а 43 % – необходимость существования специальных документов, определяющих этические отношения в коммерческих фирмах. 72,9 % молодежи считают, что необходим нравственный контроль за содержанием телевизионных программ, фильмов и рекламы (15,7 % не согласны, 11,5 % затруднились ответить) [17]. Такой вариант развития нашего общества, как «общество потребления и комфорта», имеет в молодежной среде всего около 20 % сторонников, а ценность справедливости за последние 10 лет выросла в этой среде в 2 раза [22].

Следует, конечно, учитывать и различие в уровне нравственности *различных слоев* населения, в том числе молодежи. Так, обнаружены половые и возрастные различия в решении моральных дилемм [3]. В. Е. Семенов, основываясь на разработанной им классификации типов менталитета, приводит данные о том, что среди молодежи Санкт-Петербурга наиболее нравственный – православно-российский – тип ментальности демонстрируют 17,2 % опрошенных, коллективистски-социалистический тип – 8,8 %, индивидуалистски-капиталистический тип – 2,8 %, а большинство – 31 % – мозаично-эклетический менталитет, характеризующийся противоречивым сочетанием самых различных элементов [22].

Международные тенденции

Слабым утешением для нас служит то, что описанные тенденции, по всей видимости, носят интернациональный характер или, по крайней мере, характерны для западной культуры. Отмечается, что «все больше молодежь отказывается в уважении тем, кому, как правило, она должна его оказывать: учителям, полиции и даже родителям», а за последние 20 лет в западных странах «необузданный индивид все больше становился нормой» [10, с. 135].

Исследователи нравственности констатируют, что «современным людям трудно примирить успех с моралью» [34, р. 220], а, по данным психологических исследований, большинство людей убеждено в том, что соблюдение моральных принципов препятствует достижению успеха в современном обществе [34].

Вместе с тем отмечается, что, например, США после теракта 11 сентября 2001 г. стали «морализующей нацией». Это проявилось в росте количества выступлений против проституции, абортов, геев и т. п., усилилась тенденция смотреть на мир сквозь призму моральных критериев [30].

Один из наиболее известных исследователей экономики счастья Р. Лэйард отмечает, что «в

настоящее время людей особенно волнует вопрос о том, нужно ли нам общество, которое так сильно полагается на эгоистический интерес, а не на приверженность благополучию других», что «кризис поднял вопрос о ценностях – и это будет иметь долгосрочное действие» [10, с. 376]. Он же пишет: «Если мы хотим быть по-настоящему счастливыми, мы нуждаемся в концепции общего блага, в которое мы вносим свой вклад» [10, с. 18].

Исследования демонстрируют, что менее эгоистичные люди в целом счастливее, и вообще, по большей части, хотя и не всегда, нравственное поведение заставляет человека чувствовать себя более счастливым. Однако за последние 40 лет индивидуализм усилился, особенно в Великобритании и США, а уровень доверия людей друг другу в этих странах, наоборот, упал, и сейчас процент взрослых, полагающих, что большинству людей можно доверять, вдвое меньше, чем в 1950-е гг. (отметим, правда, что в континентальной Европе он, наоборот, поднялся). С утверждением о том, что люди «ведут такую же благую – моральную и честную – жизнь, что и прежде», в 1951 г. согласились 51 % американцев, в 1965 г. – 43 %, в 1976 г. – 32 %, в 1998 г. – 27 % [10]. Количество детей в возрасте от 11 до 15 лет, считающих, что «большинство одноклассников – добрые и готовы помочь», по различным странам распределилось так: Швейцария – 81 %, Швеция – 77 %, Германия – 76 %, Дания – 73 %, Франция – 54 %, США – 53 %, Россия – 46 %, Англия – 43 % [10]. А количество взрослых, согласных с утверждением «Да, большинству людей можно доверять», варьирует от 5 % в Бразилии до 64 % в Норвегии [10]. Эти данные коррелируют с результатами исследования, в процессе которого исследователи на улицах разных стран роняли бумажники, в которых были указаны имя и адрес владельца, а затем определяли долю бумажников, возвращенных владельцам. Самым высоким процент возвращенных бумажников оказался в Скандинавских странах [31].

* * *

Несмотря на достаточно интернациональный характер общей тенденции к снижению нравственности, она особенно существенна для нашей страны, в культуре которой принято давать ценностно-нравственную оценку любому или почти любому поступку [2], и морально-этическая характеристика присуща всем социальным представлениям [1]. При этом нашим соотечественникам свойственно реже высказывать крайние моральные оценки, чем представителям западных культур [12], хотя в случае «за-

прещенного» поведения, в отличие от «обязательного», напротив, россияне чаще прибегают к крайним суждениям [12].

Следует подчеркнуть и то, что в настоящей статье рассмотрены результаты исследований нравственного уровня «средних» – в данном плане – слоев современного российского общества, а не те сферы, такие, как например, наше телевидение, где нарушение нравственных норм проявляется наиболее рельефно, и не наиболее экстремальные формы их нарушения. При включении в анализ таких сфер и форм картина оказалась бы еще менее утешительной.

В общем, как пишет один из самых известных отечественных исследователей морали и нравственности А. А. Гусейнов, «сравнение состояния общественной морали в России сегодня и 20 лет назад (статья, из которой взяты эти слова, была опубликована в 2006 г. – А. Ю.) не дает оснований для оптимизма» [4, с. 377]. Но этот же автор обнаруживает оптимизм в другом. Он пишет: «Наш пессимизм относительно общественной морали в сегодняшней России – не только следствие неосуществившихся надежд периода перестройки. Хочется думать, что он свидетельствует о возросшей нравственной зрелости, более трезвом взгляде на самих себя» [4, с. 378]. «Самосознание морального краха есть индикатор морального здоровья» [4, с. 454], «мера неудовлетворенности собой является скорее показателем нравственного совершенства человека» [4, с. 783]. То же самое можно сказать об обществе, в том числе о современном российском, которое проявляет все большую озабоченность своим нравственным состоянием (свидетельство чему – и описанные в настоящей статье исследования). Отмечается, что «значение духовно-нравственных проблем все чаще понимают и озвучивают некоторые политики, представители общественности, педагоги, ученые и деятели искусства» [17, с. 63]. А в послании президента Федеральному Собранию содержится фрагмент, посвященный нравственному упадку в нашем обществе. Хочется надеяться, что это положит начало его нравственному выздоровлению.

Оптимизм в отношении улучшения нравственного состояния нашего общества подтверждается и динамикой соответствующего индекса, вычисляемого в рамках развиваемой в Институте психологии РАН количественной макропсихологии. Индекс (по существу, это индекс безнравственного состояния общества, ибо он выражает негативные характеристики) фиксирует такие слагаемые нравственной атмосферы общества, как уровень 1) жестокости, 2) бесчеловечности,

3) несправедливости, 4) цинизма. Операциональным показателем 1-й характеристики служит количество убийств на 100 000 жителей, индикатором 2-й – количество беспризорников (точнее, детей, оставшихся без попечительства родителей), индикатором 3-й – Индекс Джини, выражающий неравномерность распределения доходов, показателем 4-й – Индекс коррупции. Разумеется, можно использовать и другие индикаторы нравственности/безнравственности общества

и другие способы их индикации, однако и описанный способ представляется вполне приемлемым (вообще, все подобные варианты операционализации и количественной оценки качественных явлений – «не догмы, а руководства к действию»). А оцененная подобным способом динамика нравственного состояния нашего общества в годы реформ показана на рис. 1.

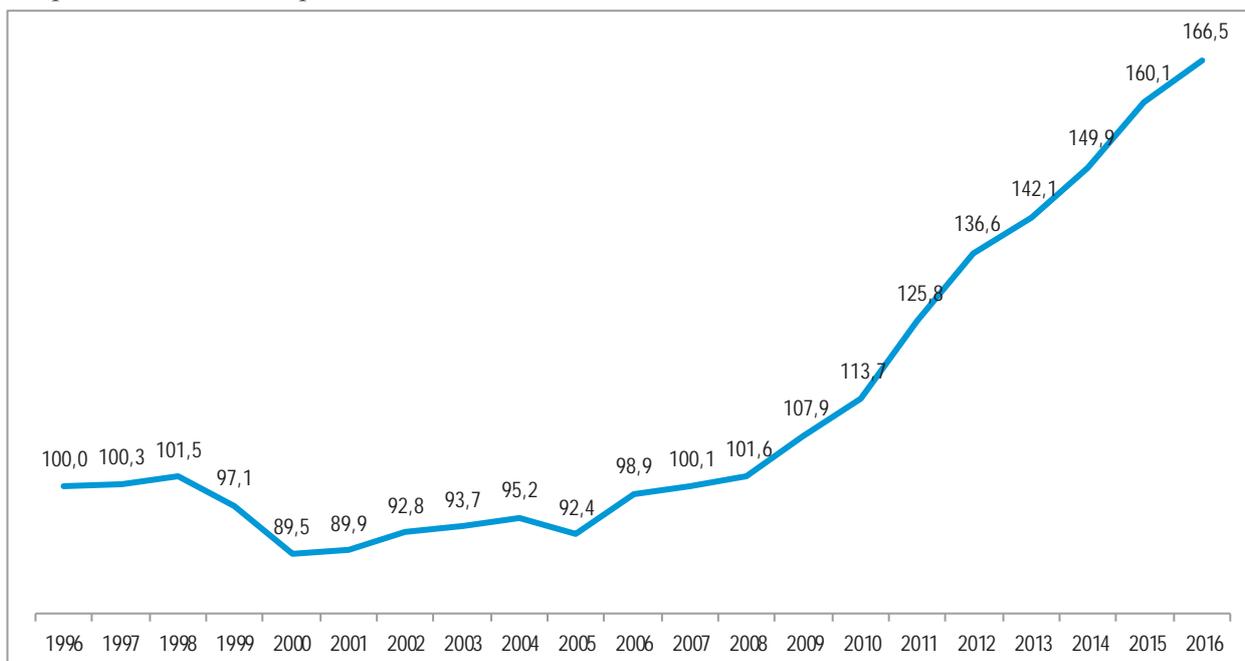

Рис. 1. Индекс нравственного состояния российского общества, 1996 г. = 100 %

Как можно видеть на рисунке, количественно оцененное нравственное состояние нашего общества обнаруживает положительную динамику с 2008 г., хотя по абсолютному значению соответствующего показателя пока уступает 1990 г., взятому за точку отсчета. Эта оценка позволяет сделать вывод о том, что, хотя нравственное состояние современного российского общества остается в целом явно неудовлетворительным, в последние годы оно обнаруживает тенденцию к улучшению, то есть основания для оптимизма все же имеются.

Библиографический список

1. Абульханова, К. А. Социальное мышление личности [Текст] / К. А. Абульханова // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. – М.: Институт психологии РАН, 2002. – С. 88–103.
2. Александров, Ю. И., Александрова, Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления [Текст] / Ю. И. Александров, Н. Л. Александрова. – М.: Институт психологии РАН, 2009.
3. Арутюнова, К. Р., Александров, Ю. И. Факторы пола и возраста в моральной оценке действий [Текст] / К. Р. Ар-

утюнова, Ю. И. Александров // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37. – № 2. – С. 79–91.

4. Гусейнов, А. Философия – мысли и поступок [Текст] / А. Гусейнов. – СПб.: СПбГУП, 2012.

5. Дикая, Л. Г., Крылова, Г. Ю. Личностные детерминанты становления профессионала в особых и стрессогенных условиях деятельности [Текст] / Л. Г. Дикая, Г. Ю. Крылова // Субъект и личность в психологии саморегуляции / под ред. В. И. Моросановой. – М.; Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. – С. 410–430.

6. Дондурей, Д. Без модернизации массового сознания любые социально-экономические преобразования обречены [Текст] / Д. Дондурей // Мир перемен. – 2007. – № 2. – С. 70–85.

7. Журавлева, Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в условиях макросоциальных изменений – индикатор психологического состояния общества [Текст] / Н. А. Журавлева // Макропсихология современного российского общества / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – С. 207–278.

8. Кирилина, Т. Ю. Отечественная социология морали: прошлое, настоящее, будущее [Текст] / Т. Ю. Кирилина // Социологические исследования. – 2013. – № 6.

9. Курапова, И. А. Духовно-нравственные детерминанты эмоционального выгорания у педагогов [Текст] /

И. А. Курапова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2009. – Вып. 2(44). – С. 239–245.

10. Лэйард, Р. Счастье: уроки новой науки [Текст] / Р. Лэйард. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.

11. Муздыбаев, К. Эгоизм личности [Текст] / К. Муздыбаев // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 2. – С. 27–39.

12. Нравственность современного российского общества: психологический анализ [Текст] / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. – М.: Институт психологии РАН, 2012.

13. Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности [Текст] / под ред. И. В. Бочарникова. – М.: Российский государственный университет им. Г. В. Плеханова, 2015.

14. Патриотизм современной российской молодежи: концептуальные основания и технологии воспитания [Текст]. – М.: АЛЬФА-М, 2013.

15. Подмена понятий: патриотизм в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/27-05-2014/podmena-ponyatii-patriotizm-v-rossii>. Дата обращения – 29.05.2014.

16. Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества [Текст] / под ред. А. Л. Журавлева, М. И. Воловиковой, Т. В. Галкиной. – М.: Институт психологии РАН, 2014.

17. Психологические исследования духовно-нравственных проблем [Текст] / под ред. А. Л. Журавлева и А. В. Юревича. – М.: Институт психологии РАН, 2011.

18. Психологические исследования нравственности [Текст] / под ред. А. Л. Журавлева и А. В. Юревича. – М.: Институт психологии РАН, 2013.

19. Психология нравственности [Текст] / под ред. А. Л. Журавлева и А. В. Юревича. – М.: Институт психологии РАН, 2010.

20. Российское общество и вызовы времени. Книга первая [Текст] / под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. – М.: Весь мир, 2015.

21. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая [Текст] / под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. – М.: Весь мир, 2015.

22. Российское общество: проблемы социального согласия и развития [Текст] / под ред. В. Е. Семенова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. университета, 2014.

23. Социальные и ментальные тенденции современного российского общества [Текст] / под ред. В. Е. Семенова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.

24. Стрижов, Е. Ю. Нравственно-правовая надежность личности: социально-психологические аспекты [Текст] / Е. Ю. Стрижов. – Тамбов: Издат. дом «ТГУ им. Г. Р. Державина», 2009.

25. Филинкова, Е. Б. Психология российского предпринимательства [Текст] / Е. Б. Филинкова. – М.: Ректор, 2007.

26. Ципко, А. От «праздника революции» к «празднику священной войны с Западом» [Текст] / А. Ципко // Мир перемен. – 2016. – № 2. – С. 174–189.

27. Юревич, А. В. Психология социальных явлений [Текст] / А. В. Юревич. – М.: Институт психологии РАН, 2014.

28. Юревич, А. В., Ушаков, Д. В. Экспертная оценка динамики психологического состояния российского общества: 1981–2011 гг. [Текст] / А. В. Юревич, Д. В. Ушаков // Вопросы психологии. – 2012. – № 3. – С. 30–44.

29. Fehr E., Fishbacher U. The nature of human altruism // Nature, 2003. Vol. 425. P. 785–791.

30. Janoff-Bulman R., Skeikh S. From national trauma to moralizing nation // Basic and applied social psychology. 2006. V. 28. № 4. P. 325–332.

31. Knack S. Trust, associational life and economic performance. In J. Heliwell, A. Bonidowska (eds.), The contribution of human and social capital to sustained economic growth and well-being. – Ottawa: HRDC and OECD, 2001.

32. Layard R., Dunn J. A good childhood – searching for values in a competitive age. – London: Penguin, 2009.

33. Lyubomirsky S., King L., Diener E. Happiness as a strength: A theory of the benefits of positive effect. – California: Univ. of California, Riverside, mimeo, 2003.

34. Oser F. K., Reichenbach R. Moral resilience – The unhappy moralist // Morality in context. Advances in psychology / Ed. by W. Edelstein, G. Nunner-Winkler. V. 137. – Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 203–224.

Reference List

1. Abul'hanova, K. A. Social'noe myshlenie lichnosti = Psychology of unconscious [Текст] / K. A. Abul'hanova // Sovremennaja psihologija: sostojanie i perspektivy issledovanij. Ch. 3 = Modern psychology: state and prospects of researches. Part 3. – М.: Institut psihologii RAN, 2002. – S. 88–103.

2. Aleksandrov, Ju. I., Aleksandrova, N. L. Sub#ektivnyj opyt, kul'tura i social'nye predstavlenija = Subjective experience, culture and social representations [Текст] / Ju. I. Aleksandrov, N. L. Aleksandrova. – М.: Institut psihologii RAN, 2009.

3. Arutjunova, K. R., Aleksandrov, Ju. I. Faktory pola i vozrasta v moral'noj ocenke dejstvij = Factors of gender and age in moral assessment of actions [Текст] / K. R. Arutjunova, Ju. I. Aleksandrov // Psihologicheskij zhurnal. – 2016. – Т. 37. – № 2. – S. 79–91.

4. Gusejnov, A. Filosofija – mysli i postupok = Philosophy – thoughts and an act [Текст] / A. Gusejnov. – SPb.: SPbGUP, 2012.

5. Dikaja, L. G., Krylova, G. Ju. Lichnostnye determinanty stanovlenija professionala v osobyh i stressogennyh uslovijah dejatel'nosti = Personal determinants of the professional's formation in special and stress-producing activity conditions [Текст] / L. G. Dikaja, G. Ju. Krylova // Sub#ekt i lichnost' v psihologii samoreguljatsii / pod red. V. I. Morosanovoj. – М.; Stavropol': Izd-vo PI RAO, SevKavGTU, 2007. – S. 410–430.

6. Dondurej, D. Bez modernizatsii massovogo soznaniya ljubye social'no-jekonomicheskie preobrazovanija obrecheny = Without mass consciousness modernization any social and economic transformations are doomed [Текст] / D. Dondurej // Mir peremen. – 2007. – № 2. – S. 70–85.

7. Zhuravleva, N. A. Dinamika cennostnyh orientacij lichnosti v uslovijah makrosocial'nyh izmenenij – indikator psihologicheskogo sostojanija obshhestva = Dynamics of valuable orientations of the personality in the conditions of macrosocial changes – the indicator of psychological state of society [Текст] / N. A. Zhuravleva // Makropsihologija sovremennogo rossijskogo obshhestva = Macropsychology of modern Russian society / pod red. A. L. Zhuravleva, A. V. Jurevicha. – М.: Institut psihologii RAN, 2009. – S. 207–278.

8. Kirilina, T. Ju. Otechestvennaja sociologija morali: proshloe, nastojashhee, budushhee = Domestic sociology of morals: last, real, future [Текст] / T. Ju. Kirilina // Sociologicheskije issledovanija. – 2013. – № 6.

9. Kurapova, I. A. Duhovno-nravstvennye determinanty jemocional'nogo vygoranija u pedagogov = Spiritual and moral determinants of teachers' emotional burning out [Текст] / I. A. Kurapova // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universi-

teta = Bulletin of Adygei state university. – 2009. – Vyp. 2(44). – S. 239–245.

10. Ljeiard, R. Schast'e: uroki novoj nauki = Happiness: lessons of new science [Tekst] / R. Ljeiard. – M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2012.

11. Muzdybaev, K. Jegoizm lichnosti = Egoism of the personality [Tekst] / K. Muzdybaev // Psihologicheskij zhurnal. – 2000. – T. 21. – № 2. – S. 27–39.

12. Nravstvennost' sovremenogo rossijskogo obshhestva: psihologicheskij analiz = Morality of modern Russian society: a psychological analysis [Tekst] / pod red. A. L. Zhuravleva, A. V. Jurevicha. – M.: Institut psihologii RAN, 2012.

13. Patriotizm kak faktor jeffektivnogo razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti = Patriotism as a factor of effective development of the Russian statehood [Tekst] / pod red. I. V. Bocharnikova. – M.: Rossijskij gosudarstvennyj universitet im. G. V. Plehanova, 2015.

14. Patriotizm sovremennoj rossijskoj molodezhi: konceptual'nye osnovanija i tehnologii vospitanija = Patriotism of modern Russian youth: conceptual bases and technologies of education [Tekst]. – M.: AL"FA-M, 2013.

15. Podmena ponjatij: patriotizm v Rossii = Substitution of concepts: patriotism in Russia [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.levada.ru/27-05-2014/podmena-ponyatii-patriotizm-v-rossii>. Data obrashhenija – 29.05.2014.

16. Psihologicheskoe zdorov'e lichnosti i duhovno-nravstvennye problemy sovremenogo rossijskogo obshhestva = Psychological health of the personality and spiritual and moral problems of modern Russian society [Tekst] / pod red. A. L. Zhuravleva, M. I. Volovikovej, T. V. Galkinoj. – M.: Institut psihologii RAN, 2014.

17. Psihologicheskie issledovanija duhovno-nravstvennyh problem = Psychological researches of spiritual and moral problems [Tekst] / pod red. A. L. Zhuravleva i A. V. Jurevicha. – M.: Institut psihologii RAN, 2011.

18. Psihologicheskie issledovanija нравственности = Psychological researches of morality [Tekst] / pod red. A. L. Zhuravleva i A. V. Jurevicha. – M.: Institut psihologii RAN, 2013.

19. Psihologija нравственности = Morality psychology [Tekst] / pod red. A. L. Zhuravleva i A. V. Jurevicha. – M.: Institut psihologii RAN, 2010.

20. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaja = Russian society and challenges of time. First book [Tekst] / pod red. M. K. Gorshkova i V. V. Petuhova. – M.: Ves' mir, 2015.

21. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraja = Russian society and challenges of time. Second book [Tekst] / pod red. M. K. Gorshkova i V. V. Petuhova. – M.: Ves' mir, 2015.

22. Rossijskoe obshhestvo: problemy social'nogo soglasija i razvitiya = Russian society: problems of social consent and development [Tekst] / pod red. V. E. Semenova. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. universiteta, 2014.

23. Social'nye i mental'nye tendencii sovremenogo rossijskogo obshhestva = Social and mental tendencies of modern Russian society [Tekst] / pod red. V. E. Semenova. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2005.

24. Strizhov, E. Ju. Nravstvenno-pravovaja nadezhnost' lichnosti: social'no-psihologicheskie aspekty [Tekst] = Moral and legal reliability of the personality: social and psychological aspects / E. Ju. Strizhov. – Tambov: Izdat. dom «TGU im. G. R. Derzhavina», 2009.

25. Filinkova, E. B. Psihologija rossijskogo predprinimatel'stva = Psychology of the Russian business [Tekst] / E. B. Filinkova. – M.: Rektor, 2007.

26. Cipko, A. Ot «prazdnika revoljucii» k «prazdniku svjashhennoj vojny s Zapadom» = From «a revolution holiday» to «a holiday of sacred war with the West» [Tekst] / A. Cipko // Mir peremen. – 2016. – № 2. – S. 174–189.

27. Jurevich, A. V. Psihologija social'nyh javlenij = Psychology of the social phenomena = Expert assessment of dynamics of the Russian society psychological state: 1981–2011 [Tekst] / A. V. Jurevich. – M.: Institut psihologii RAN, 2014.

28. Jurevich, A. V., Ushakov, D. V. Jekspertnaja ocenka dinamiki psihologicheskogo sostojanija rossijskogo obshhestva: 1981–2011 gg. = Expert assessment of dynamics of the Russian society psychological state: 1981–2011 [Tekst] / A. V. Jurevich, D. V. Ushakov // Voprosy psihologii. – 2012. – № 3. – S. 30–44.

29. Fehr E., Fishbacher U. The nature of human altruism // Nature, 2003. Vol. 425. P. 785–791.

30. Janoff-Bulman R., Skeikh S. From national trauma to moralizing nation // Basic and applied social psychology. 2006. V. 28. № 4. P. 325–332.

31. Knack S. Trust, associational life and economic performance. In J. Heliwell, A. Bonidowska (eds.), The contribution of human and social capital to sustained economic growth and well-being. – Ottawa: HRDC and OECD, 2001.

32. Layard R., Dunn J. A good childhood – searching for values in a competitive age. – London: Penguin, 2009.

33. Lyubomirsky S., King L., Diener E. Happiness as a strength: A theory of the benefits of positive effect. – California: Univ. of California, Riverside, mimeo, 2003.

34. Oser F. K., Reichenbach R. Moral resilience – The unhappy moralist // Morality in context. Advances in psychology / Ed. by W. Edelstein, G. Nunner-Winkler. V. 137. – Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 203–224.